

Ольга Трушкова

В плену
у одиночества

Сборник рассказов

Ольга Трушкова

**В плену у одиночества.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Трушкова О.

В плену у одиночества. Сборник рассказов / О. Трушкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742667-5

О чем эта книга? Обо всем понемногу. Здесь и размышления одинокой женщины о смысле жизни, и сравнение века нынешнего с веком минувшим. Здесь и наставления мудрого Байкала нам, заблудившимся в паутине лжи и фарисейства, и взгляд автора на сегодняшнюю литературу. Разные люди, разные судьбы. Но всех их объединяет плен одиночества, куда они то ли волею судьбы попали, то ли сами ему сдались.

ISBN 978-5-44-742667-5

© Трушкова О.
© Издательские решения

Содержание

Рефрен ко всем рассказам	6
Секс-символ Федька и его девки	7
Ты уж прости...	11
В дисгармонии	16
Ящик для дураков	18
Закат уже не за горами	21
1	22
2	25
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В плену у одиночества

Сборник рассказов

Ольга Трушкова

© Ольга Трушкова, 2016

ISBN 978-5-4474-2667-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Не забывайте, дети, стариков!
Чтоб не оправдываться, мол, дела заели...
Чтоб не корить потом себя, что не успели...
Звоните им! Хотя бы раз в неделю
Звоните им! Они так ждут звонков...*

Не оставляйте ваших стариков!

*Ольга Трушкова,
июль, 2016.*

Рефрен ко всем рассказам

Тихо ночь на деревню спустилась
Приказала в деревне всем спать.
Об одной лишь избёнке забыла,
Где жила в одиночестве мать.

(Из песни)

И ничьей тут вины, вроде, нет.
Знать, судьба иль лихое пророчество,
Коль она много лет тет-а-тет
С одиночеством... с одиночеством...

(Ольга Трушкова)

Секс-символ Федька и его девки

Упрятав седые волосы под видавший виды некогда роскошный пуховый платок, Петровна бросила на себя мимолётный взгляд в зеркало, согласилась с тем, что красота – страшная сила, и вышла на улицу поугасть ею соседку, а заодно и снег расчистить возле ограды. Только разве соседку этим испугаешь? Соседка – Петровне ровесница, у неё у самой этой «красоты», хоть вёдрами отчерпывай.

Вон она, согнулась вопросительным знаком, держится за лопату и делает вид, что снег отгребаёт. Ага, как бы не так! Огрёбщица хренова! Кабы не лопата, которая её поддерживает, так свалилась бы уже давно, немочь радикулитная!

– Ну, и чего ты выскочила? Чего мои предписания нарушаешь?

Мне что, делать нечего, чтобы через день да каждый день Таньке-дуре припарки делать? – с места в карьер понеслась Петровна.

– Привет, Валюха! Да вот полегчало малость, я и решила хоть немного размяться. Снег вот убрать... – начала оправдываться семидесятилетняя Танька.

– Марш в избу, – перебила её Петровна.

– Валь, можно я чуть-чуть на улице постою, и так уже почти неделю без свежего воздуха, – робко попросила соседка.

– Ладно, стой, – сменила гнев на милость Петровна. – Вроде сегодня потеплело. Да лопату-то оставь, я и сама справлюсь.

Петровна расчистила дорожку, ведущую от её калитки к калитке соседки, отёрла выступивший на лбу пот и прислонилась к забору.

– Валь, а у тебя ведь давление шандарахнуло, – с тревогой в голосе произнесла Татьяна. – Смотри-ка, на щеках свёкольный румянец выступил.

Петровна и сама почувствовала, что давление подскочило, и даже знала, насколько – слишком большим был стаж её гипертонии, чтобы ошибиться. Но она не хотела расстраивать подругу и нарочито беспечно отмахнулась.

– Да нет, это я от волнения зарделась – Фёдку увидела, секс-символа нашего. Видишь, с вёдрами вышагивает? К твоему колодцу направляется.

Фёдор был их ровесником. Все они родились в этой деревне, дружили с малых лет и почти не расставались. Даже после школы учились в одном и том же городе, только в разных учебных заведениях, а потом опять вернулись в родные пенаты. Петровна – врачом общей практики, Татьяна – учителем физики, а Фёдор – автомехаником. Тогда здесь было большое село со средней школой, с больницей, с автопарком. А теперь от всего этого осталось только три дома. Нет, домов здесь, конечно, больше, но дым из печных труб только над их тремя поднимается. Остальные стоят заколоченными – разъехались люди искать лучшей доли.

А Татьяна, Петровна и Фёдор остались, сообща решив, что старое дерево нигде не приживётся. Так и живут, размеренно и неторопливо, помогая друг другу и незлобиво подшучивая над своей старостью.

Фёдор поставил вёдра, откашлялся, сдвинул набекрень облезлую ондатровую шапку и пробасил:

– Здорово, девки! Как жизнь молодая?

И, как всегда, улыбка до ушей.

Этому приветствию более полувека. А что касается улыбки, так чего Фёдке рот до ушей не растягивать, коль у него все тридцать два зуба на месте? Хотя нет, один-то ему выбили, когда он на Светку Ремезову глаз положил. Зачем в драку лез, дурак, зубом рисковал, если Светка и так по нему с ума сходила? Красавец был.

Нет больше Светки, уже девять лет Фёдор вдовствует. Дети к себе забрать хотели, но он не поехал, всё отшучивался, на кого, мол, своих девок брошу? Сын даже заматерился на него и обозвал секс-символом. Теперь и Петровна с Татьяной его так называют. Правда, за глаза. Если в глаза, так он сильно обижается и грозит их бросить.

Это он так, сгоряча грозитя. Фёдка же понимает, что «девкам» без него – хана. Кто им пенсию привезёт, если почта в соседнем селе? Кто их продуктами затарит? Дров наколет? Ответственный он, Фёдка, в делах житейских.

Но сын не оставил своей глупой затее забрать отца в город и подключил к атаке «тяжёлую артиллерию» – Дашку с Игорем, любимых внуков Фёдкиных, значит. Только Фёдка не такие атаки в Афгане отбивал, отбил и эту. Сказал, как отрезал:

– Здесь родился, здесь сгодился, здесь и помирать буду!

«Девки» тоже его не бросают. Ведь уедь они, без них совсем один он останется, Фёдка... секс-символ.

– Здорово, Фёдь, – в один голос произнесли соседки.

– Вы не забыли, какой сегодня день?

– Да нет, помним. Суббота. И баня сегодня Валюхина, – ответила Татьяна.

Баня у каждого из них имела своя, но в целях экономии дров топили только одну. Две недели назад банились у Фёдора, прошлую субботу – у Татьяны, сегодня будут у Петровны. Как всегда, Фёдор наносит воды и дров, раскочегарит «теплодарку», а Петровна с Татьяной тем временем наведут порядок в его доме: подбелят печь, вычистят посуду и вымоют пол.

Завершив субботние хлопоты выпечкой плюшек и хлеба, подружки отправятся смывать с себя грехи недельные, а Фёдор поедет на своей «Лайбе-копейке» в соседнее село за продуктами. Село недалеко, всего в семи километрах, дорога всегда хорошая – «чёрные» лесорубы постоянно мимо их домов ездят, утрамбовывают.

Потом и он пойдёт мыться-париться. «Девкам» -то пар вреден, потому как у одной – радикулит, а у другой – давление. Они только моются.

После бани – корпоративчик, коллективное чаепитие с домашней выпечкой и вареньем. Чай у них настоян на мяте и кипрее, невероятно вкусен и ароматен. Магазиновую заварку они считают вредной пылью.

– Ох, и мастерица же ты, Танька, плюшки печь! – зажмурившись от удовольствия, басит Фёдор.

Татьяна бросает на Петровну торжествующий взгляд.

– А мой хлеб чего не хвалишь? – встрепенулась Петровна. – Или он после Танькиных плюшек нехорош стал?

И обиженно пробурчала:

– Кстати, не забудь свою буханку забрать.

– Валька, не бузи, твой хлеб хоть сейчас на выставку. Сама ведь знаешь, – примирил подруг «секс-символ». – Дай-ка, лучше Колькину гитару.

Николай, муж Петровны, умер одиннадцать лет назад, через пять лет после того, как Игорька, сына их единственного, в цинковом гробу привезли из Чечни. Не смог он смириться с этим, тосковал-тосковал, да и зачах. Так и лежат они теперь рядышком.

Фёдор проверяет настрой, подтягивает чуть ослабевшую третью струну, потом бьёт «восьмёркой» по всем семи и запекает:

Журавли улетели, журавли улетели,
Опустели, умолкли и затихли поля.
Лишь оставила стая им среди бурь и метелей
Одного с перебитым крылом журавля.

Татьяна вытирает набежавшую слезу. Она вспоминает своего Сергея, вспоминает, как эту песню он, Николай и Фёдор пели втроём под аккомпанемент двух гитар. Сергей не умел играть на этом инструменте. Он вообще ни на чём не играл. Он только пел.

А теперь вот их половинки ушли на тот свет, дети разъехались и остались в забытой людьми и Богом деревушке только три человека: она, Валюха да Фёдька.

Петровна, облокотившись о край стола, тоже вспоминает то время, когда они были молоды и дружили семьями. Сына вспоминает. Мужа.

Хорошо, что Таньку в город не увезли, хорошо, что Фёдька тоже здесь остался, размышляла Петровна, проводив друзей.

Да и что им в городе делать, если для него они – обыкновенные старики? Кто их там молодыми-то знал? Как нас отделить друг от дружки, ведь мы же за семьдесят лет почти срослись? И потом, если дети да внуки сами к ним летом навещают, тогда за каким лешим Таньке и Фёдьке куда-то уезжать? Им и здесь хорошо.

Электричество есть? Есть. Сотовая связь – тоже. А телевизор столько каналов показывает, что и дня не хватит, все перещёлкать. Даже интернет работает лучше, чем в соседнем селе. Федька ноутбук купил, сказал, что будет на сайте знакомств женихов своим «девкам» подыскивать...

Вспомнив про ноутбук, Петровна улыбнулась, но тут же сдвинула брови, увидев на столе забытый Фёдором свежеиспечённый хлеб.

«Вот пень старый, голова, как дуршлаг. Ладно, завтра занесу, когда пойдём с Танькой к нему в лото играть. Заодно наказ дам дрожжей купить, а то всё из памяти вылетает. С хлебом-то в руках про дрожжи, поди, не забуду...»

Ты уж прости...

Она сняла со сковородки последний блинчик, сложила треугольником и накрыла им стакан с киселём. Стакан поставила в центр стола. Так она делает каждое утро тридцать первого июля. Сегодняшнее не было исключением, просто оно по счёту стало уже шестнадцатым. Сегодня её Ильичу исполнился бы шестьдесят один год. Не исполнится. Ильич навсегда останется сорокапятiletним. Он умер в марте пятнадцать лет назад.

В марте она делает то же самое, только в центр стола ставит два одинаково накрытых блинчиками стакана с киселём. Второй – это поминовение её прошлой жизни, вторым она поминает себя, прежнюю. Всё правильно, потому что после похорон возвратилась в опустевший дом с такой же опустевшей душой и остывшим сердцем. В ней постоянно звучит какой-то голос. Это её голос, подсознательный... обреченный:

Я прежних песен больше не спою,
Как дождь в песок, мои уходят силы.
Осталась я на зыбком на краю
Для мужа свежеврытой могилы...

Только вот оставаться на том зыбком краю она не имела права, как не имела права и силы свои бездумно расходовать: на её руках оставался одиннадцатилетний сын, у которого кроме матери и старшей сестры никого не было. Но дочь-студентка была далеко, ей и своих проблем хватало, так что горе страшной потери переживали порознь: дочь – в большом городе, они – в глухой деревеньке.

Говорят, время лечит. Нет, время только притупляет боль, примиряет с утратой. Она тоже примирилась.

Дочь вышла замуж и навещает мать теперь уже с мужем. Правда, очень редко. Мать не обижается. Раньше, правда, как-то горько становилось, когда видела, как приезжают дети её знакомых – часто... и не на два-три дня.

Но это было раньше. Теперь уже нет, не горько. Привыкла, наверное, или потому что сама почти никуда не ходит и не видит чужой радости. Затворницей стала. Среди людей своё одиночество ещё острее чувствует, хотя для всех окружающих она по-прежнему общительный человек, любящий хорошую музыку и классическую литературу, незлобивую шутку и острое словцо, уверенная в себе самодостаточная женщина. Незачем им, окружающим-то, знать, что это всё не так, что всё это – только оболочка, а она, настоящая, так и «осталась... на зыбком на краю...»

Справилась, одолела все беды. Сына на ноги поставила. Выучила, в Армию проводила, встретила из Армии. Одна. Всё одна. Помощи ждать некуда – родни у неё в Сибири нет, с этим ничего не поделаешь. У сына тоже родни тогда ещё не было.

Порой охватывало отчаяние: денег нет, опять им, бюджетникам, «заморозили» зарплату; цены растут, как на дрожжах... дефолт... нужны дрова...

Если бы у неё осталась хотя бы та старая бензопила, проблема дров решилась бы куда проще. Купила бы она бензина и спирта, наняла бичей, те и напилили бы, и раскололи, а уж сложить поленицу как-нибудь и сама бы сумела. Да вот только у той пилы неожиданно объявился новый хозяин и забрал её на третий день после похорон Ильича. Ковал, так сказать, железо, пока горячо. Это потом узнает она, что по поверью нельзя ничего отдавать из дома до сорокового дня, а тогда безропотно, не вникая в суть, отдала вещь, столь ей необходимую. Не поняла, что забирают пилу вовсе не для того, чтобы починить или отрегулировать, как она думала – забирают пилу как вещь, ей не принадлежащую.

Может, действительно, принадлежала она тому новому хозяину, а покойному мужу дана была во временное пользование, только почему-то вспомнил хозяин об этом лет этак через пять-шесть и как нельзя кстати. В самое удобное время. Ладно бы чужой кто поступил так, а то ведь...

Эх, люди, люди!

Нет, она его не судит. Бог ему судья! Просто тогда вдруг отчетливо пришло понимание, что родни нет не только у неё, но и у её сына. Во всяком случае, сейчас, когда он «помочи може возжелати».

Не «возжелает»! Она не позволит! Спице спокойно!

Через год вырастила бычка и свинью, сдала мясо заготовителю, и тот привёз ей новую пилу «Урал». На оставшиеся деньги сына в школу обрядила – одет-обут он всегда был не хуже других.

А новая пила «Урал» сколь уж лет в кладовке без дела стоит: сын после службы в Армии купил «Штиль»... маленькую, лёгкую, удобную. Жаль, Ильич не дожил до сегодняшних дней. Жаль, не было в их время этих «Штилей», поэтому приходилось ему по лесу этакую тяжесть на плече таскать, «Урал» или «Дружбу».

Выживали тогда они с сыном исключительно за счет хозяйства. Держали корову, свиной и овец. Телёнка продадут – сена купят. Двух свиной сдадут – в школу соберутся. Только вот для того, чтобы сдать-продать телёнка и свиной, их целый год кормить-поить надо.

Правда, питались они с сыном, нормально: молоко, творог, сметана – своё, картошка, капуста и прочая огородная мелочь – тоже не из магазина. Хлеб она сама стряпала. Можно было, конечно, излишки молочного и продавать, только торговать она не умела. Вышла как-то на рынок со сметаной и творогом, присмотрелась, как торговки покупателей зазывают, произнесла сдавленным голосом: «Кому творожок? Кому сметанка?» – и сразу же рот ладонью зажала. Оглядываться начала – не услышал бы кто из знакомых.

Картошку, правда, продавала. Оптом. По самой низкой цене. А всё остальное: свёклу, морковь, капусту и ту же самую молОчку – раздавала соседям за просто так. Даром. Брели охотно, даже зазывать не нужно было.

Зимой она пряла вечью шерсть, вязала детям и себе носки, варежки и свитера, получалось дешёво и сердито. Вязала и на «бартер» – меняла на комбикорм.

Всё бы ничего, только вот от домашней работы продыху не знали ни она сама, ни её малый сын. Да и с деньгами туговато приходилось, не платили ей заработанного.

В двухтысячном стало чуток полегче: начали регулярно выплачивать пенсии, и раз в месяц, когда она их получала (свою, по выслуге лет, и сынову, по потере кормильца), они устраивали пир: покупали колбасу, яйца, жарили яичницу. А иногда могли себе позволить потратиться даже на фрукты, сладости и порошок какао в красивых баночках.

Разведёт она на завтрак этот порошок свежим молоком, сын выпьет его с домашними булочками – сыт до обеда. Очень удобно. В общем, слава Богу, не голодали.

Гораздо большей бедой, нежели хроническое безденежье и тяжелый крестьянский труд, считала она то, что не на кого было её сыну опереться ни в отрочестве, ни в юности. Советчика не было. С матерью-то подросток не поделится тем, чем мог бы поделиться с отцом или с родным дядькой. Мать, она ведь женщина.

Но, как говорится, бог не без милости, казак не без доли. Теперь вот и сын на своих ногах стоит. Работающий. На отца похож. Всё хорошо, только видит она сына редко – в геологоразведке он работает, всё по Северам бескрайним колесит.

Летом ненадолго заскочит, в гараже наведёт порядок, на иномарке своей покатается, матери дров наготовит, поправит заборы, нынче вон завалинки новые вокруг дома соорудил, чтобы она, значит, зимой не мёрзла, продуктов ей с оптовки навезёт на всю зиму – и опять в путь-дорожку, вечную мерзлоту исследовать.

Хозяйства она уже два года не держит, заготовкой сена сын уже не обременён.

Выросли дети, своей жизнью живут. Что ж, всё правильно. Так и должно быть.

Она вздохнула, будто подвела итог своим мыслям, присела к столу.

После первой годовщины со дня смерти мужа здесь никогда не устраивались публичные поминки. Если не приезжали дети, то она поминала его одна... Киселём, блинами и искренними добрыми словами, от самого сердца идущими. Ни к чему её Ильичу в такие дни чужая лесть, он и при жизни лживых похвал не жаловал.

Аккуратная стопка блинчиков, блюдце со сливочным маслом, кувшинчик с киселем. Вроде, всё как положено. Налила в чайную фарфоровую чашку киселя, взяла блинчик, обмакнула в растаявшее масло.

– Ну, с днём рождения, Ильич, царствие тебе небесное, хороший ты был человек, светлый! А о нас не переживай, у нас всё в порядке.

Дочь по-прежнему в Иркутске живёт, работает менеджером по логистике в какой-то крупной фирме. С мужем и его родственниками у неё хорошие отношения. Через неделю в гости должна приехать. Сын продолжает районы Крайнего севера осваивать, нефть для олигархов ищет.

Нормально живём. Вот могилку твою в прошлом году поправили. Не сами поправили, правда. Мы только в «Ритуальных услугах» заказали надгробье с доставкой и оплатили это. А уж тут, на месте, твоя сестра с мужем и их дети всё сделали. Они ухаживают за ней, за твоей могилкой, спасибо им. Я-то хоть и недалеко от тебя живу, но в другом районе, и часто к тебе приезжать не могу. А тут ещё возраст начал все мои болезни наружу вытаскивать. Да ты и сам, поди, всё это видишь. Только не думай, пожалуйста, что я оправдываюсь или, упаси Бог, жалуясь! Нет, нет! Это я просто рассказываю тебе о нашей жизни без тебя. С кем же ещё мне можно поговорить так откровенно, ежели не с тобой? Кому душу-то открыть могу я, не тебе ежели? Кто же поймёт-то? Да и кому чужому надо меня понимать? А родных у меня здесь нет. Сам знаешь.

Вот у сына нашего теперь есть родня.

Племянников у тебя, Ильич, много, племянниц – и того больше. Выросли все. Умные, красивые, приветливые. Мы с ними в прошлом году познакомились, когда ваша средняя сестра из Москвы с дочкой, зятем и внуком приезжала. Отношения между ними и нашим сыном сложились хорошие. Родственные. Ты бы видел, как он был счастлив, оттого что у него неожиданно-негаданно вдруг сразу столько родных людей появилось! Братья, сёстры, двоюродные племянники! Даже тётки с дядями! Правда, здорово? Ведь до этого знаком он был только с одной тёткой. С Зоей. И дядя у него был только один. Володя, её муж. Когда мы к тебе, Ильич, приезжали, то и с ними встречались иногда. На кладбище, возле твоей могилки.

А вот прошлым летом почти вся твоя родня до кучи собралась. Нет, нашей дочери на этой встрече не было. Наверное, не дозвонились до неё, а может, номер забыли. Только нас пригласили.

Сын потом их на своей «японке» на Байкал возил.

Я? Нет, я на Байкал не ездила.

Ну, почему ты так подумал? Говорю же тебе, что у нас всё нормально. Мои отношения с твоей роднёй какими были, такими и остались. А не ездила я потому, что мне места в нашей машине не хватило.

Машина твоего зятя? Так она тоже была под завязку.

У вашего младшенького была иномарка? Смотри-ка, не забыл. Она и сейчас есть. Может, другая только, не знаю. Я в машинах как-то не очень... Да и не помню, на какой братья твои ко мне приезжали. Давно ведь это было, на третий день после того, как тебя похоронили. А потом я их и не видела. Пятнадцать лет. Ни братьев. Ни их машин.

Но младшенький на Байкал не ездил. Наверное, занят был.

Есть ли машина у среднего брата? Конечно, есть. Только зачем её гонять, если можно поехать просто пассажиром. С племянником. С нашим сыном, то есть.

Да хватит про машины-то. Есть они, есть. У всех есть. И у племянников тоже. Все они живут хорошо.

Поездкой на Байкал твоя родня очень довольна осталась. Нашим сыном – тоже. Сын мне привёз копчёного омуля, много сувениров, фотографий и видеозаписей.

Про то, как больно ей было смотреть эти фото и видео, никто не узнает. Даже Ильич. Не станет она рассказывать ему ни про бензопилу ту окаянную, ни почему место своё в машине тогда уступила. Зачем Ильичу боль лишняя?

А вот про племянников она перед мужем не лукавит – они, действительно, ей пришлось по душе. Все. Дай Бог, чтобы хоть молодёжь настоящей роднёй стала! Не ей роднёй, она им чужая – детям её.

В этом году? Нет, в этом году нас никто не приглашал. В этом году поездки-то на Байкал, вроде, не предвидится. Вторая твоя сестра дачу строит под Москвой и, наверное, не сможет вырваться. А повидаться хотелось бы. После твоих похорон мы с ней так ни разу и не встретились. После похорон я, вообще, до прошлого лета никого из твоих сестёр и братьев не видела, не видела даже рядом живущих, кроме Зои, которая теперь стала старшей, хотя была третьим дитём в вашей большой семье.

Было вас девять, осталось семь. Теперь вы, старшие-то, рядом с матерью лежите.

Но мы и нынче ездили на родительский день. К матери. К Лиде, сестре вашей самой старшей. К мужу её. К тебе. Царствие вам всем небесное.

Она опять вздохнула и прошептала:

– Если я что и не так делала при жизни твоей и после, ты уж прости...

31 июля 2013.

В дисгармонии

Утро выдалось ясным, солнечным и невероятно тёплым для конца августа. Вера Николаевна окинула взглядом шеренги георгинов, с двух сторон окаймляющих узенький дощатый тротуарчик, ведущий от терраски дома к бане, любовалась пышными шапками цветов и открыла калитку в огород. Интересно, обошли стороной её картошку ночные «копатели» сегодняшней ночью или опять напакостили? Дожили, уже и в деревне друг у дружки урожай воровать наладился! Хотя чему удивляться-то, если куда проще выкопать его у соседа, чем самому ради него на земле горбатиться. Это «нравственное кредо» подрастающий люмпен-пролетариат всасывает в себя уже вместе с материнским молоком, основательно разбавленным бражкой да пивом.

Но картошку, слава Богу, у Веры Николаевны сегодня не порушили.

Говорят, на чужих огородах промышляют дети Недоношенного – это в деревне так кличут одного мужичонку, который то ли ошибка природы есть, то ли жертва криминального аборта. Теперь же эта «ошибка», давно уже созревшая в плане репродукции, сама активно и едва ли не на бегу размножается. А уж какое племя от такого семени, объяснять не надо.

И что с людьми-то происходит? Раньше деревня отличалась от города именно своей порядочностью, скромностью и целомудрием. А теперь? Пьянство, воровство, наркомания, разврат. Стыдно сказать, в ней даже доморощенные педофилы завелись. Причём, из числа несовершеннолетних. Понятно, что вырасти нормальными людьми в своих ненормальных семьях эти малолетние извращенцы просто-напросто не могли. Непонятно другое: чем занимается специалист, который как раз и обязан осуществлять надзор за неблагополучными семьями? (Оказывается, и такая должность в местной администрации имеется!) Ведь эти малолетки уже не раз

были и пьяными замечены, и нюхающими бензин пойманными. Ан, нет! Надо было дожидаться, чтобы они ещё и восьмилетнего мальчонку изнасиловали!

Судить надо не только насильников, но и тех, кто ответственен за них. Причём, не одних родителей, но и ту чинушу, специалистом числящуюся и ЗРЯплату получающую.

Вот и охайвай теперь советское время, когда сельсовет – это только два человека, председатель да секретарь, а порядка, простите за тавтологию, на порядок больше. Да что там «на порядок»!

Сегодня сельсовет стал администрацией, и «спецов» – не пересчитать. Хорошо хоть на работу они по очереди ходят, а то просителю-посетителю и кланяться было бы некуда.

Правильно заметил один умный человек: раньше кругом был рай – РАЙисполком, РАЙ-оно, РАЙпо и так далее; теперь один АД – одни АДминистрации, начиная с сельской и заканчивая президентской.

Ладно, не будет Вера Николаевна портить себе настроение в такое чудесное утро. Тем более, сегодня пятница, её любимый банный день. Потом пойдут звонки от детей. В субботу позвонит дочь, а в воскресенье – сын. По будням-то звонить им некогда, у каждого – работа, семья. Всё у Веры Николаевны хорошо.

Но почему ей так тоскливо? Неужели только из-за того, что мир несовершенен? Или потому её настроение не в ладу с чудесным августовским утром, что сегодня ночью у неё выкопали почти весь чеснок?

Ящик для дураков

Щелчок пультом. Первый канал. Прогноз погоды. Опять в Сибирском регионе похолодание и ненастье.

Вот и верь синоптикам, которые в конце мая обещали Вере Николаевне жаркий и сухой июнь, а он оказался грозовым и дождливым. Редкий день без осадков обходится. Врут, ох, врут...

Щелчок пультом. Канал «Россия-24».

Вера Николаевна смотрит новости. Беженцы из Украины. Женщины все такие красивые, гладкие, сплошь с золотыми серёжками, кольцами и цепочками на шеях. На некоторых шеях этих цепей даже несколько штук. Глубоко декольтированные платья и блузки. Руки ухоженные, ногти с маникюром. Крупным планом показывают глаза женщин. Крупным, это чтобы Вера Николаевна разглядела в них неизбывную боль. Но к тому времени все беженцы были накормлены, обогреты и обласканы, кроме того, им уже пообещали и жильё, и работу, поэтому особой боли в глазах она как-то не рассмотрела, хотя и была в очках.

Дети, правда, напуганы, но тоже одеты-обуты намного приличнее наших, рождённых в России. Перед детьми Новороссии возвышались горы игрушек и рисовались радужные перспективы будущего.

Как трогательно выглядит эта картинка, где нищие, но счастливые россияне радушно встречают своих небедных, но несчастных соотечественников. Кое-кто даже делится с ними жалкими квадратами в своей «однушке».

Интересно, подумала Вера Николаевна, а почему Рублёвка выпала из общего патриотического порыва? Почему там не размещают беженцев? Или площадь маловата? Но ведь даже только на одних жилых квадратах Васильевой, из Минобороны которая, можно треть юго-востока разместить.

И взял ли кто из наших депутатов на квартиру кого-либо из тех, кого они опекают за счёт бедного населения России? Кого из своих земляков приютила в своей квартире лично председатель Совета Федерации?

За чей счёт оказывается гуманитарная помощь беженцам и тем, кто ещё не успел пересечь границу?

Тут им и бесплатная медицина (смотри-ка, оказывается, она у нас, действительно, есть!), и бесплатные лекарства, на которые Вера Николаевна тратит половину своей пенсии. А уж внимания-то им сколько! Мать честная!

Видеть всё это нет больше сил, и женщина переключается на канал «Россия-1», а именно, на региональные новости. Может, там что позитивное увидит?

Ага, как бы не так! Аккурат попала в село Горохово Иркутской области, на подворье женщины, которая потеряла работу. Нет, её не за нарушение трудовой дисциплины уволили. Её вообще никто не увольнял. Её сократили, потому что хозяйство, где женщина трудилась телятницей, обанкротилось. Вообще, что такое «сократить»? Если речь вести о чем-то неодушевлённом, то понятно: вот оно было, а сократили – и нет его, оно вычеркнуто. А если речь идёт о живом человеке?

Как жить дальше, эта сокращённая и вычеркнутая из жизни женщина не знает. Двоих младших детей отправила к своим родителям, потому что прокормить всех четверых пока не имеет возможности. Она очень переживает, что не сможет собрать их в школу, потому что только на одну форму нужно три тысячи рублей, а учеников в семье трое. Ни серёг с кольцами, ни золотых цепей Вера Николаевна на ней, конечно же, не увидела. Увидела ветхую избёнку, покосившийся забор, большой огород с уже взошедшей картошкой, а также множество ухоженных грядок, которые и будут теперь единственным спасением нищего семейства. Хоть глаз этой несчастной матери и не показывали крупным планом, но даже без очков в них можно было разглядеть неизбывную боль. Слез в глазах не было – Москва слезам не верит.

Кстати, по сравнению с частными домами российской глубинки, даже весьма приличными, те, из которых бежали наши соотечественники с чадами и домочадцами, выглядят хоромами. А когда наши военные корреспонденты показали при этих добротных частных жилищах ещё и бетонные подвалы, где можно не только укрыться от бомбёжки, но и прожить всей семьей, Вера Николаевна, стыдливо оглядываясь на телевизор, прикрыла крышку своего вечно осыпающегося подполья домотканым половичком и как-то засомневалась, что украинцам было худо после распада Союза.

Нет, не чёрствая она и не безжалостная. Отнюдь. Она очень сочувствует тем, кто вынужден оставить свой дом и искать спасения в чужом краю. Но где искать спасения той женщине из села Горохово, что в Иркутской области? Ей-то куда бежать со своими четырьмя детьми?

Кстати, Вера Николаевна никак не может понять, почему в то самое время, когда молодые, здоровые мужики ринулись с юго-востока в Россию, кто-то на этом самом юго-востоке упрекает россиян в том, что они не оказывают ополченцам военной помощи? Выходит, украинские русские хлопцы бегут, чтобы отсидеться в тепле, добре, сытости и вернуться домой после того, как российские русские парни ценой своей жизни обеспечат им в их Неньке мир, покой и полную демократию? Когда беженцами являются женщины, дети и старики – это понятно. Но беженцы-мужики в расцвете сил – это противно.

Щелчок пультом, и Вера Николаевна в Крыму.

«Ах, как там всё устарело! Ах, как проржавели трубы и пришло в негодность всё медицинское оборудование! Надо срочно доставить им реанимобили!»

Наконец-то, Вера Николаевна узреть сподобилась, как он выглядит, этот самый реанимобиль. По телевизору, разумеется. Кабы не Крым, то и по сей день в неведении была бы. Её соседку с сердечным приступом увезли вчера в районную больницу на старенькой «Скорой помощи». Правда, соседке повезло, довезли быстро, старушка-помощь всего за два часа сорок километров пробежала, потому что по дороге только один раз из строя выходила.

Российским русским нет ни работы, ни жилья приличного, ни лечения бесплатного, а беженцам – всё и сразу, со всем нашим удовольствием!

Господи! Ну, зачем же она так об этих людях, лишившихся всего и вынужденных искать у неё защиты и помощи? На самом-то деле, Вере Николаевне их очень жаль и она готова поделиться всем, что имеет. Только вот имеет она, образно говоря, шиш в кармане да вошь на аркане... А раздражение её, так это оно от безысходности... это оно, чтобы жалость беспомощную задушить.

Тут как-то один деятель высказал одну очень мудрую мысль. Политический деятель, конечно же. Простой деятель, который с топором и с лопатой, до такой бы мысли вовек не додумался. Нет, не мысль была мудрой, мысль-то как раз была самой банальной. Просто тот политический деятель очень «мудро» её высказал. Речь шла о предоставлении в детсадах мест для украинских деток, от войны убежавших. Так вот, по «мудрому» высказыванию этого политдиота, российским деткам нужно потесниться. Если дословно, то сказано было именно так: «Нам надо поужаться». Во как! А куда уж ещё ужиматься-то, жалостливый ты наш? Точнее, жалостливый за наш счёт! Сам-то ты «ужимать» себя наверняка ни в чём не станешь!

Россия возмущается, что Европа не видит того, что происходит в Украине. Вера Николаевна же возмущается не только этим, но и тем, что Россия не видит происходящего в ней самой. А все телепередачи про Украину выглядят, как фарс.

Всё! Будет она смотреть только Шестой канал. Детский. Мультки. Хотя нет. Мультки там сплошь иностранными и с такими уродливыми персонажи, что Вера Николаевна потом до утра не заснёт.

Ещё один щелчок пультом. Последний. Голубой экран стал чёрным. Так лучше.

24.06.2014.

Закат уже не за горами

1

Накануне дня своего рождения Вера Николаевна решила сходить в магазин, чтобы побаловать себя в этот день чем-то вкусеньким, а на обратном пути поскользнулась на крутом спуске дороги, ушибла бок о торчавший из-под снега комель бревна и подвернула ногу. Побаловала себя, называется. Так побаловала, что с трудом превеликим до хаты своей добрела. Добрести-то добрела, даже печь растопить умудрилась, а к вечеру ей до того худо стало, хоть криком кричи: на ногу ступить не может, спину такой дугой выгнуло, что голова где-то на уровне колен оказалась. Только вот беда, кричи не кричи – никто не услышит: одна Вера Николаевна живёт в доме.

Ночь прошла, как в бреду, а когда наутро женщина по стеночке добралась до кухни, то её охватило полное отчаяние: дров в доме осталось только на одну топку да и вода на исходе. Вот так, а ведь она планировала ещё и баню протопить сегодня. Ладно, воды, как обычно, флягой на тележке навозит соседка, она раз в неделю Веру Николаевну водой обеспечивает. Нет, не задаром – это как бы плата за проживание в доме, из которого сын переселил Веру Николаевну в её сегодняшние «хоромы», находящиеся наискосок от прежнего жилья. Вместе с тем домом и мебель прежнюю оставили, и ковры. Ничего не захотела Вера Николаевна забирать оттуда, где умер её муж. Вот там и поселилась на всём готовом молодая семья, жилья не имеющая.

Водокачка была рядом с двумя домами, принадлежащими Вере Николаевне, так что соседка-квартирантка без особых усилий быстро навозила воды и, посочувствовав болящей, убежала по своим делам, не догадавшись принести в дом две-три охапки дров. Молодая она ещё, непонятливая. А бескорыстная «домовладелица» постеснялась попросить её об этом и сама, предварительно наложив тугую повязку на ногу, перетянув поясицу толстым слоем эластичных бинтов, поковыляла к поленнице, радуясь уже тому, что в баню дров натаскала загодя.

После бани ей стало совсем худо: то знобит, то в жар бросает, ноги боль выкручивает, голова раскалывается так, что глаза на лоб готовы вылезти.

А тут ещё и погода испортилась: всю неделю бесновалась метель, порывы ветра сбивали с ног даже тех, у кого они обе были в рабочем состоянии. За всё это время Вера Николаевна ни разу не вышла за калитку, и за всё это время никто не отворил дверей её дома.

Конечно, были звонки с поздравлениями в день рождения, звонили и те, кому нужны были её консультации или совет, но вот звонок, залиvisto сообщающий о чём-то визите, был нем.

На отшибе живёт она. На самом, что ни есть, краю...

Долгими ночами, слушая завывания ветра, Вера Николаевна дрожащими руками вытирала слёзы. Нет, она не плакала, слёзы сами текли, скатываясь к уголкам губ и раздражая их солью. Ей было страшно в пустом доме. Но не нечистой силы и не нечистых на руку местных бичей она боялась – страшно было умереть зимой. В эту пору сын с геологоразведкой колесит по Северам, где нет сотовой связи, а дочь в далёком от неё большом городе, и вряд ли кто сообщит им о смерти их матери, потому что вряд ли кто вспомнит о ней. Неужели ей придётся лежать до весны? До приезда сына?

Хотя нет. О чём это она? Дочь-то будет звонить и, не дозвонившись, забьёт тревогу, приедет сама. Да и пенсию почтальон принесёт и тоже встревожится, если Вера Николаевна не выйдет на звонок. Но, так или иначе, всё равно день-другой её может никто не хватиться, и если первыми о кончине Веры Николаевны прознают местные бичи, тогда к приезду детей в доме останется только её труп. А документы? Ведь здесь не только её документы, но и сына. А что будет с его иномаркой?

Нет, умирать зимой Вера Николаевна не имеет права, только разве смерть будет спрашивать, когда к ней прийти?

А вдруг Вера Николаевна не сразу умрёт, будет лежать обездвиженной, беспомощной, но отчётливо понимающей своё ужасное положение? Сейчас ведь не те благословенные семидесятые, когда соседи, узрев не разметённый подле калитки снег и не увидев дымка из печной трубы её дома, враз бы всполошились. Не те времена нынче, ох, не те...

Когда в середине семидесятых Вера Николаевна молоденькой учительницей приехала в таёжный посёлок, всё было иначе. По утрам она находила на лавке в сенях, которые за ненужностью никогда не запирались, то банку молока, то десяток яиц, то грузди солёные, то домашнюю стряпню в виде тарочек с черёмуховой начинкой. А в ноябре, в период массового забоя домашнего скота, мяса у неё было столько, что впору самой с кем-то поделиться. Кто приносил? Неизвестно. Известно только, что распиленные дрова привезли по приказу начальника леспромхозовского участка, ставшего потом её мужем, а раскололи чурки и сложили в поленницу её ученики, пожелавшие остаться инкогнито.

Дружно жил многонациональный народ в Междугранке: были здесь и литовцы, и украинцы, и белорусы. Даже молдаванин имелся, почтальон по фамилии Кашняну. Правда, все называли его Кашнян – так привычнее русскому уху – и считали армянином.

По весне жители посёлка убирали территорию возле своих домов не по приказу сельсовета, да и приказов таких Вера Николаевна не помнит, а по укоренившейся привычке, потому и выглядела Междугранка чистенькой и ухоженной. Молодежь приводила в порядок стадион, натягивала волейбольную сетку, и вечерами проводились соревнования между командами женатых и холостяков. Были и другие спортивные игры, весёлые и шумные.

Нет теперь Междугранки, как и многих других малых посёлков и деревень, а вместе с ними исчезло и то духовное родство между людьми, которое наполняло нелёгкую жизнь простого человека неким смыслом. Нет больше общих праздников, когда неказистое здание поселкового или сельского клуба битком набито разновозрастной публикой. Нет и общих горестей. Теперь каждый по себе.

А ведь жилось простому люду в те далёкие годы ох как трудно. С утра до вечера почти всё взрослое население работало в тайге на валке, трелёвке, погрузке и вывозке леса, да и своё подсобное хозяйство держать приходилось – иначе нельзя, потому что в магазинах шаром покати. Заведующая РОНО, выбиравшая Вере Николаевне место будущей её работы, колебалась недолго.

– Поезжайте в леспромхоз, там снабжение ОРСовское, глядишь, и вам тушёнка с колбасой кой-когда перепадёт. Да и женихи там богатые, по четыреста рублей зарабатывают. А если в городе останетесь, придётся питаться очень даже аскетически. Как, впрочем, и в совхозах, которые кормятся Райпотребсозом да своими подсобными хозяйствами.

Про богатых-то женихов правду сказала заведующая РОНО – хорошо платили рабочим леспромхозов за их тяжёлый труд. Только вот тратить заработанное было некуда, прилавки поселкового магазина были так же пусты, как и везде. Но партия и правительство уверяли народ в том, что это временные трудности, народ жил надеждой на перемены и копил на сберкнижках деньги для будущей счастливой жизни. Пусть не своей. Пусть дети поживут. Народ терпеливо ждал. И дождался, когда все его сбережения партия вместе с правительством самым наглым образом переместили в свои карманы. Значит, всё это: дефицит, невозможность потра-

туть заработанное и сами сберегательные книжки – было кем-то запланировано? Значит, людей изначально, задолго до перестройки обрекли на рабство во имя каких-то мифических идей компартии, точнее, на благо воруя, узаконенных Уставом этой партии? Теперь Вера Николаевна в этом не сомневается. «Призрак бродит по Европе...» Да уж, и впрямь призрачным был обещанный коммунизм.

2

Вера Николаевна до сих пор не может понять, как жители леспромхозовских посёлков, работая в лесу, умудрялись ещё и скотинку в чистоте да в порядке содержать, и приусадебные участки. Не потому ли так удивилась она запущенным, заросшим сорняками частным огородам, когда в девяностые, после распада леспромхоза, они с мужем и восьмилетним сыном переехали в совхоз?

Однажды ранним утром, с тятками наперевес шли они всей семьёй по спящей деревне окучивать свой участок картошки, находящийся в двух километрах от села, смотрели на заросшие травой придомовые огороды, и муж, кивнув на одно из подворий, с непередаваемой горечью тихо произнёс:

– Вот они, кормильцы наши, спят сном праведников, а сорняк меж тем силу набирает, уже выше картошки вымахал. Окучивать пора, а тут и прополкой ещё не пахнет.

Потом он молчал до самого конца пути.

«Кормильцы» просыпались только к обеду.

Когда же началось раскрестьянивание?

Вера Николаевна часто вспоминает жизнь другой деревни, деревни её детства. Теперь мало кто верит старым фильмам, где колхозники шли на работу с песнями и с ними же возвращались домой, а она знает – это правда. Да, пели женщины, а мужчины им басисто вторили. На сенокосе, опустошив торбы с нехитрыми обедами, во время короткого перерыва, потирая натруженные руки и наслаждаясь кратковременным отдыхом, приваливались они к стогам. Послеполуденная дрема окутывала сенокосные уголья. Но вдруг взмывал высоко в небо звонкий женский голос.

Колькі у небе зор,
Цяжка палічыць...

К нему присоединялся другой, чистый, как родниковая вода.

Толькі з іх адна
Наярчэй гарыць.

И вот уже плывёт над лугом сочно, мощно и невероятно красиво разбавленное мужским басом

Гэта ты мая,
Зорка ясная,
Ты, каханая,
Непагасная.

Сегодня прагматикам трудно поверить, что в те далёкие годы не только к работе на личных наделах, но и к колхозному труду относились не абы как, что для молодых прослыть ленивцем и неумехой считалось несмываемым позором. И соревновались хлопчики в ловкости да в умении, особенно с уборочную страду, когда тягловой силой, конём, то есть, при помощи верёвки стаскивали копна сена к огромному стогу. Соревновались девчухи на току, когда в сплошной пыли при обмолоте света белого не видно. Это позже комбайны появились, а Вера Николаевна хорошо помнит алчный барабан молотилки, требующий бесперебойной подачи

снопов. Не всякий выдержит бешеный ритм этой работы – она, тринадцатилетняя городская девчонка, не смогла, и ей доверили только отгрести уже опустошенные снопы, выплёвываемые прожорливой машиной. Кстати, матерчатых перчаток тогда тоже ещё не было – были кровавые мозоли от черенка вил. Но мозоли приходилось скрывать, дабы не прослыть белоручкой, что являлось не менее позорным, чем неумеха или лентяйка.

Вернувшись с колхозной работы, люди принимались за работу домашнюю и только с заходом солнца готовили ужин, который называли вячэрой. Это были неизменные солоники. Женщины разводили костерок на лужайке возле одного из домов, общий для нескольких соседних, окружали его чугунами, наполненными чищенной круглой картошкой и водой, накрывали чугуны сковородками, тоже чугунными и без ручек.

Вера Николаевна до сих пор не может докопаться до происхождения названия этого немудрёного блюда.

Солоники – от слова соль? Но соль есть в любом блюде. От слова соло, потому что, закипая, каждый чугунок пел свою песню? Хотя нет, соло – это вряд ли: простые крестьяне были не так искусны в музыкальной терминологии. А может, солоники – это и вовсе не солоники, а салоники? Ведь туда ещё и кусочки сала бросали.

Но как ни называлась картошка, запечённая в чугунке на костре, Вера Николаевна до сих пор помнит вкус самых верхних картофелин, чуть подгоревших, пахнувших дымком и далёким детством.

Как-то взяли бабушка и тётя Маша Веру на прополку колхозных огурцов, а Вера возьми да и сруби нечаянно тяпкой один из корешков. Боже мой, сколько укоризны и осуждения было в их взглядах! За что? Огурцов-то вон сколько, целое поле, да и не свои они.

За что? Это девочка поймёт позже, когда будут они с бабушкой идти по просёлочной дороге мимо ржаного поля. Сорвёт бабушка колосок, вышелушит зёрнышки и произнесёт необыкновенно ласково:

– Житечко святое. Хороший урожай Господь нам сподобил, слава ему, с хлебушком будем.

Вот тогда и поймёт Вера, за что она подверглась безмолвному, но дружному осуждению на том огуречном наделе. Бережное, любовное отношение было у старшего поколения ко всему, жизнь человеку дающему, и неважно, личное оно или колхозное.

Когда же мы раскрестьянились?

Расчеловечились-то когда?

Не с ним ли, с тем поколением и его нравственными принципами, ушло сострадание друг к другу?

Кто сегодня остался на земле? Тот, кто либо по своему скудоумию не получил хотя бы среднего специального образования или, на худой случай, рабочей специальности, либо по неумению приспособливаться не смог угнездиться на более перспективном месте. Почему работа в сельском хозяйстве стала столь непривлекательной? Да потому, что тяжёлый труд селянина оплачивается такими жалкими грошами, что язык не повернётся их деньгами назвать. А какая оплата, такая и работа. Вот и отучили людей работать на земле, любить её, кормилицу всего сущего.

Но разве её покойная бабушка, разве её тётя Маша и крестный, отдавшие все свои силы далёкому белорусскому колхозу «Рассвет», получали не те же гроши? Тогда почему же они трудились не за страх, а за совесть да при этом ещё и пели?

А может, всё-таки за страх? Тогда почему они пели? Почему трудились до седьмого пота с такими просветлёнными лицами? Почему радовались плодам этого своего труда, тем самым плодам, от которых им доставались жалкие крохи?

3

Вере Николаевне иногда кажется, что всё началось с перестройки, будь она трижды неладна вместе с её главным архитектором. Как же, переход на новый уровень отношений с Америкой, которая приветствует амбициозного придурка радостными криками: «Горби! Горби!» Да за это можно не только рассекретить всё, но и Родину продать! А то, что за его спиной зубастые акулы, довольно потирая руки, посмеиваются над этим тщеславным, самолюблённым клоуном, так это ему невдомёк.

Да и сам-то народ разве умнее его был, если не почувствовал надвигающейся катастрофы? Помнится, в те времена председатель поссовета Пётр Иванович Кравченко частенько произносил одну и ту же фразу:

– Что-то не то мы делаем, если нас наши враги хвалят.

Прав был Пётр Иванович, да только не задумывались мы над его словами, отмахивались и даже посмеивались. Какие враги, если Америка скандирует:

– Мир! Дружба! СССР!

Хотя, с другой стороны, что могли сделать простые люди, если их голоса ничего не значили, как не значат и сегодня?

Был референдум по поводу сохранения или роспуска Союза?

Был.

Как проголосовал народ?

За сохранение.

А итог?

Союза больше нет.

Потом, вообще, началось чёрт знает что. Разделили всё подушно, выдали людям бумажки, которые ваучерами назвали, а потом те же самые дельцы, кто и разрабатывал план этой самой приватизации, скупили их за копейки. Ладно, если кому-то хоть копейку дали за бумажку, а то ведь и по-другому действовали. Вот, к примеру, Вера Николаевна не только задаром отдала приехавшему в их посёлок бывшему второму секретарю райкома все четыре ваучера. Она ещё и оплатила приём каждого из них по двести семьдесят рублей, вроде как «услугу», получив взамен квитанцию и четыре липовых договора, гласящие, что отныне она и все члены её семьи будут являться акционерами какого-то «Альфа Капитала» и до конца дней своих получать дивиденды с прибыли этого самого капитала.

До сих пор получают... капитальную альфа-фигу.

Ладно бы одна она, так ведь нет: тогда этот хапуга, бывший второй секретарь райкома, все ваучеры в посёлке собрал, да ещё и денежек подзаработал. Где теперь он и его «Альфа Капитал»? А это никому неизвестно.

Вообще-то, говорят, секретаря того недавно по телевизору показывали. Нет, не в «Честном детективе» – на заседании областного Законодательного собрания.

Не ум цениться стал сегодня, не порядочность, а хитрость, наглость, изворотливость. По-другому начали жить многожды обманутые люди: кто-то ударился в спекуляцию, которая теперь гордо бизнесом зовётся; кто-то мелким воровством пробивается; кто-то от безысходности спивается. Великой удачей считается, если кому-то повезёт найти приличную работу. Это он, вроде, как счастливый лотерейный билет отхватил.

А бывшие партработники и прочие комсомольские вожаки стали ворами в законе, то есть, ворами, охраняемыми законом, ворами неприкосновенными. Как же их судить-то, если все законы они сами и издают? Под себя работают господа, бывшие не так давно товарищами.

Как-то неожиданно вспомнилась та давняя история из окаянных и трижды проклятых 90-х, случившаяся уже после смерти её мужа. Вообще-то, Вера Николаевна не любит вспоминать о том, как выживало сельское учительство при хронических невыплатах зарплаты, но вот её подработка в библиотеке взяла, да и всплыла в памяти... Чтобы хоть как-то свести концы с концами, устроилась она туда на полставки «офис-менеджера», что в переводе на человеческий язык означает на «пол-уборщицы».

Библиотека была небольшая, но работы хватало. Да тут ещё библиотекарь, дабы не обременять себя лишними телодвижениями, возложила на Веру Николаевну помимо мытья полов, снятия пыли с книг и еженедельной чистки оконных стёкол ещё часть и своей работы, а именно: книги, принесённые читателями, расставлять по полкам в соответствии с ББК. На недоумённый взгляд уборщицы ответила, что это тоже входит в её обязанности. Ответила тоном, не терпящим возражений.

Подивилась несказанно Вера Николаевна тому, что техничка обязана знать ещё и библиотечные коды вкупе с библиографическими! Подивиться-то подивилась, но ничего не сказала – коды её не пугали, она была филологом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.